

На правах рукописи

БАЛАБАНОВ Антон Сергеевич

**КУМУЛЯТИВНЫЕ И ДИСПЕРСИВНЫЕ
ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Специальность 22.00.04 — социальная структура,
социальные институты и процессы

Нижний Новгород

2007

Работа выполнена на кафедре общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Научный руководитель:

Доктор исторических наук, профессор Саралиева З. Х.

Официальные оппоненты:

Доктор социологических наук, профессор Воронин Г. Л.

Кандидат социологических наук Серафимов М. М.

Ведущая организация:

Ивановский государственный энергетический университет

Защита диссертации состоится 14 ноября 2007 г. в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.166.14 при Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского по адресу: 603000, г. Н. Новгород, Университетский пер., д. 7, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, пр. Гагарина, 23, корп. 1.

Автореферат разослан «11» октября 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат социологических наук, доцент

Кутявина Е. Е.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. Высокий уровень социально-экономического неравенства, обусловленный событиями последних 15 лет, стал одним из ключевых признаков современного российского общества. Децильный коэффициент дифференциации доходов, бывший в стране минимальным (примерно 3,0) в 1980-е годы, повысился до 13,5 к 1995 г. и далее, до 15,3 к 2006 г.¹ Большая социально-экономическая поляризация общества является реальной опасностью для его стабильности, препятствует восходящей мобильности, «запирая» большие группы людей в низших слоях социальной структуры, является питательной средой для нарушения законности, ограничивает развитие человеческого капитала, сужая жизненные шансы целых категорий граждан. Исследование процессов развития социального неравенства — одно из важнейших направлений социологических исследований в стране. Особую актуальность нашего исследования определяет тенденция, ставшая заметной с относительной стабилизацией российской экономики в конце 1990-х гг. Взрывная социальная мобильность, вызванная подменой распределительной системы стихийным рынком, сменяется выработкой устойчивых, специфичных для нашей страны моделей производства и передачи социальных статусов, то есть, «институционализацией» неравенства. Необходим анализ формирующихся механизмов, ответственных за углубление и сглаживание неравенств. Традиционный подход, основанный преимущественно на фиксации уровней социального расслоения, недостаточен для понимания внутренних динамических аспектов этого явления. Актуальным становится изучение механизмов неравенства как динамических взаимосвязей факторов, определяющих развитие кумулятивных и дисперсивных процессов неравенства.

¹ Федеральная служба государственной статистики [Эл. ресурс]. — 2007. — Режим доступа: <http://www.gks.ru>, свободный [Загл. с экрана].

Степень научной разработанности темы. В зарубежной и отечественной литературе накоплен богатый теоретический материал по проблемам социального неравенства, бедности и богатства. Этой теме посвящены труды таких классиков социологии, как К. Маркс, Ф. Энгельс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, П. Сорокин¹. На современном этапе научное признание приобрели теории Э. Гидденса, Р. Дарендорфа, О. Льюиса, Р. Мертон, П. Бурдьё, П. Штомпки². Увеличивается число российских социологов и экономистов, глубоко изучающих процессы социально-экономического неравенства в современном российском обществе: Л. А. Беляева, Т. Ю. Богомолова, З. Т. Голенкова, Т. И. Заславская, В. И. Ильин, В. П. Култыгин, Л. Н. Овчарова, В. В. Радаев, М. Н. Руткевич, В. С. Тапилина, Н. Е. Тихонова, М. Ф. Черныш, М. А. Шабанова, О. И. Шкаратан, В. А. Ядов, С. С. Ярошенко и др.³. В их работах детально

¹ Маркс, К. Капитал. Том 1. Книга 1: процесс производства капитала / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. — Т. 23; Вебер, М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // Социологические исследования. — 1994. — № 5. — С. 147—156; Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм; пер. с франц. А. Б. Гофмана, примечания В. В. Сапова. Изд. 2-ое. — М.: Канон, 1996. — 430 с. — ISBN 5-88373-036-1; Сорокин, П. А. Проблема социального равенства / П. А. Сорокин; общ. ред. А. Ю. Согомонова // Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Издательство политической литературы, 1992. — 543 с. — ISBN 5-250-01297-3.

² Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. — М.: Академический проект, 2003. — 528 с. — ISBN 5-8291-0232-3; Дарендорф, Р. Тропы из утопии: Работы по теории и истории социологии / Р. Дарендорф; пер. с нем. Б. Скуратова и В. Близнакова. — М.: Праксис, 2002. — 535 с. — ISBN 5-901574-08-7; Lewis, O. La Vida / O. Lewis. — N.Y.: Random House, 1968. — ISBN 0-394-70421-5; Merton, R.K. The Matthew Effect in Science / R. K. Merton // Science. — 1968. — Vol. 159. — P. 56—63; Бурдьё, П. Формы капитала / П. Бурдьё; сост. и науч. ред. В. В. Радаев // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. — М.: РОССПЭН, 2004. — 680 с. — ISBN 5-8243-0574-9; Штомпка, П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения / П. Штомпка // Социологические исследования. — 2001. — № 9. — С. 3—13.

³ Беляева, Л. А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития / Л. А. Беляева. — М., 2001. — 185 с. — ISBN 5-874-44026-7; Богомолова, Т. Ю. Миграция бедности: масштабы, воспроизводство, социальный спектр / Т. Ю. Богомолова, В. С. Тапилина // Социологические исследования. — 2004. — № 12. — С. 17—30; Голенкова, З. Т. Динамика социоструктурной трансформации в России / З. Т. Голенкова // Социологические исследования. — 1998. — № 10. — С. 77—84; Заславская, Т. И. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России / Т. И. Заславская, М. А. Шабанова // Социологические исследования. — 2002. — № 6. — С. 3—17; Ильин, В. И. Классовая структура: проблема методологии анализа / В. И. Ильин //

разработаны концепции социальной структуры российского общества, приведены данные, характеризующие его расслоение, обрисовано положение составляющих его групп, описаны процессы социальной мобильности.

Современные тенденции проблем социального неравенства исследуются на основе мощных эмпирических баз: учёт признаков дифференциации, глубины и масштабов распространения бедности находится среди главных задач государственной статистики во всём мире. Известными специальными исследованиями являются американское Панельное исследование динамики доходов (Panel Study of Income Dynamics, PSID), Британское панельное семейное исследование (British Household Panel Survey, BHPS), Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ / RLMS), Программа международных социальных исследований (International Social Survey Program, ISSP). В России востребованы крупные целевые исследования вертикальных срезов социальной структуры: «социального дна» (А. А. Иудин, А. А. Овсянников, Н. М. Римашевская), анализ социальной базы и условий формирования стабильного «среднего класса» (В. Ф. Анурин, Т. М. Малева), исследования элит (О. В. Крыштановская)¹.

Рубеж. — 2000. — № 15. — С. 86—109; Култыгин, В. П. Исследования социальной структуры в переходных обществах (Историко-методологический обзор) / В. П. Култыгин // Социологические исследования. — 2002. — № 4. — С. 121—129; Овчарова, Л. Н. Бедность в России / Л. Н. Овчарова // Мир России. — 2001. — Т. 10, № 1. — С. 171—178; Радаев, В. В. Социальная стратификация / В. В. Радаев, О. И. Шкаратан. — М.: Аспект-пресс, 1996. — 318 с. — ISBN 5-7567-0119-2; Руткевич, М. Н. Социальные перемещения / М. Н. Руткевич, Ф. Р. Филиппов. — М.: Мысль, 1970; Тихонова, Н. Е. На пути к новой стратификации российского общества / Н. Е. Тихонова // Общественные науки и современность. — 1998. — № 3. — С. 24—37; Черныш, М. Ф. Социальная мобильность в 1986—1993 годах / М. Ф. Черныш // Социологический журнал. — 1994. — № 2. — С. 130—133; Россия: трансформирующееся общество / Науч. ред. В. А. Ядов. — М.: Ин-т социологии РАН, 2001. — 640 с. — ISBN 5-8188-008-0; Ярошенко, С. С. Северное село в режиме социального исключения / С. С. Ярошенко // Социологические исследования. — 2004. — № 7. — С. 71—83.

¹ Римашевская, Н. М. Социальное дно: драма реальностей и реальность драмы / Н. М. Римашевская, А. А. Овсянников, А. А. Иудин // Вестник международного университета. — 1997. — Вып. 2; Анурин, В. Ф. Контуры провинциального среднего класса России / В. Ф. Анурин // Социологические исследования. — 2006. — № 10. — С. 3—15; Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Е. М. Аврамова и др.; под ред. Т. Малевой; Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2003. — 506 с. — ISBN 5-88044-152-0; Крыштановская, О. В. Анатомия российской элиты / О. В. Крыштановская. — М.: Захаров, 2005. — 384 с. — ISBN 5-8159-0457-0.

Имея в виду непосредственно проблему справедливости, социальное неравенство изучают и под этим углом (Р. В. Рывкина).¹ Анализ общественного мнения по острым вопросам социального неравенства проводится крупнейшими российскими исследовательскими центрами (ФОМ, ВЦИОМ, Левада-центр).

Фокусируясь на моделях механизмов, усиливающих, поддерживающих и сглаживающих неравенства, т.е. на изучении кумулятивных и дисперсивных процессов, круг упомянутых выше работ следует расширить макроэкономическими теориями «порочных кругов нищеты», «кумулятивной причинности» (Т. Веблен, Р. Нурксе, Н. Калдор, Г. Мюрдаль)², трудами в ключе концепции социального исключения (П. Абрахамсон, С. Погам, Ф. М. Бородкин, З. И. Калугина, К. Муздыбаев, Н. В. Чернина)³. Источником дискурса о кумулятивном характере социального неравенства традиционно считается указанная выше работа Р. Мертона (1968 г.), но и до него публиковались труды, содержащие критический анализ моделей накопления преимуществ / углубления депривации по принципу «снежного

¹ Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / Ред.-сост. Р. В. Рывкина. — М.: Референдум, 2003.

² Veblen, T. *The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays* / T. Veblen. — New Brunswick, NJ: Transaction Books. — 1990. — P. 74-75; Nurkse, R. *Problems of Capital Formation in Underdeveloped Countries* / R. Nurkse. — Oxford: Basil Blackwell, 1953. — 163 p.; Kaldor, N., *The Role of Increasing Returns, Technical Progress and Cumulative Causation* / N. Kaldor // *Economie Appliquee*. — 1981. — № 4. — P. 593—615; Myrdal, G. *Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations* / G. Myrdal. — N.Y.: Pantheon, 1968. — ISBN 0-527-02776-6.

³ Абрахамсон, П. Социальная эксклюзия и бедность / П. Абрахамсон // *Общественные науки и современность*. — 2001. — № 2. — С. 158—166; Погам, С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования / С. Погам // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 1999. — Том 2. — С. 141—153; Бородкин, Ф. М. Преодоление социальной эксклюзии: новые подходы / Ф. М. Бородкин; отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина // *Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы*. — Новосибирск: Наука, 2003. — С. 507—537; Муздыбаев, К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации / К. Муздыбаев // *Социологический журнал*. — 2001. — № 1; Чернина, Н. В. Эксклюзия сельского населения: опыт социологического исследования / Н. В. Чернина // *Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений*. — Новосибирск, 1996. — 212 с. — ISBN 5-7623-1220-8.

кома»: П. Блау и О. Дункан, Дж. Коулман, Р. Даль, Х. Цукерман¹. В 2006 г. Т. Дипре аналитически обобщил проведённые за более, чем 30-летний отрезок времени исследования моделей кумулятивных и дисперсивных процессов неравенства². Значимое влияние на эмпирическую методологию нашей работы оказали труды таких авторов, как М. Руттер и Н. Мадж, Р. Лэйт и К. Велан, К. Макклеланд, С. Лукас, Б. Нолан, К. Росс и К. Ву³.

Указанный выше обзор Т. Дипре, к сожалению, не включает ни одной работы российских учёных либо исследования, проведённого на современных российских данных. Понятия «кумулятивный эффект», «закон Матфея» применительно к анализу процессов социального неравенства в отечественной социологии практически не встречаются (важное исключение составляют работы Г. С. Батыгина, В. Э. Бойкова⁴). Анализ публикаций показывает, что, несмотря на значительный теоретический багаж и большой объем эмпирических результатов, специализированных исследований, нацеленных на выявление *устойчивых моделей взаимодействия*

¹ Blau, P.M. The American Occupational Structure / P.M. Blau, O.D. Duncan. — N.Y.: Wiley, 1967. — 540 p. — ISBN 0-471-08035-0; Coleman, J.S. Equality of Educational Opportunity / J. S. Coleman et al. — Washington, 1966. — ISBN 0-405-12088-5; Dahl, R. A. Who Governs: Democracy and Power in an American City / R. A. Dahl. — New Haven: Yale University Press, 1961. — ISBN 0-300-10392-1; Zuckerman, H. Nobel Laureates: Sociological Studies of Scientific Collaboration : Ph.D. diss. / Harriet Zuckerman. Columbia Univ., 1965.

² DiPrete, T. A. Cumulative Advantage as a Mechanism for Inequality: A Review of Theoretical and Empirical Developments / T. A. DiPrete, M. E. Gregory // Annual Review of Sociology. — 2006. — Vol. 32. — P. 271—297.

³ Rutter, M. Cycles of Disadvantage: A Review of Research / M. Rutter, N. Madge. — L.: Heinemann, 1976. — ISBN 0-435-82852-5; Layte, R. Cumulative Disadvantage or Individualisation: A Comparative Analysis of Poverty Risk and Incidence / R. Layte, C. T. Whelan // European Societies. — 2002. — Vol. 4, № 2. — P. 209—233; McClelland, K. Cumulative Disadvantage Among the Highly Ambitious / K. McClelland // Sociology of Education. — 1990. — Vol. 63, № 2. — P. 102—121; Lucas, S. Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects / S. Lucas // American Journal of Sociology. — 2001. — Vol. 106, № 6. — P. 1642—1690; Nolan, B. Loading the Dice? A Study of Cumulative Disadvantage / B. Nolan, C. T. Whelan. — Dublin: Oak Tree, 1999. — ISBN 1-86076-144-5; Ross, C. E. Education, Age, and the Cumulative Advantage in Health / C. E. Ross, C.-L. Wu // Journal of Health and Social Behavior. — 1996. — Vol. 37, № 1. — P. 104—120.

⁴ Батыгин, Г. С. «Эффект Матфея»: накопленное преимущество и распределение статусов в науке / Г. С. Батыгин // Ведомости. Тюменский государственный нефтегазовый университет. НИИ прикладной этики. Вып. 18. — Тюмень, 2001; Бойков, В. Э. Россия: десять лет реформирования / В. Э. Бойков // Социологические исследования. — 2001. — № 7. — С. 30—36.

кумулятивных и дисперсивных факторов, определяющих развитие социальных неравенств в современной России, практически не ведётся. Мало внимания уделяется возможностям конструирования выходов из сложных жизненных ситуаций, то есть, дисперсивным моделям неравенств. До последнего времени такая постановка вопроса упиралась в естественные ограничения малых «сроков давности» новых социальных статусов, отсутствие их «институционализированности», а также — в короткую историю российских лонгитюдных исследований, что не позволяло отследить причинно-следственные связи социальных явлений.

Проблема исследования заключается в противоречии между формированием в российском обществе *институциональных механизмов воспроизводства* социального, экономического и культурного неравенства и неизученностью этих механизмов вследствие того, что Россия, в отличие от развитых стран Запада, находится в самом начале этого пути.

Объектом исследования является динамика социального неравенства в современной России.

Предметом исследования являются факторы воспроизводства, углубления и сглаживания социального неравенства в условиях современного российского общества.

Цель исследования состоит в комплексной (теоретической и эмпирической) характеристике действия кумулятивных и дисперсивных факторов динамики социального неравенства в современной России.

Поставленная цель определяет **основные задачи исследования**:

1. Анализ существующих теоретических подходов к исследованию кумулятивного характера неравенства в социальных науках;
2. Выявление ключевых факторов социальной поляризации, определяющих кумулятивный характер неравенств в российском и западном обществах;
3. Выявление факторов, тормозящих процессы социальной поляризации и определяющих дисперсивный характер неравенств;

4. Эмпирический анализ кумулятивных и дисперсивных эффектов во взаимодействии нескольких факторов социальных неравенств на основе российских данных.

Теоретико-методологическая основа исследования. *Теоретическую основу* составляют: макроэкономические теории «порочных кругов нищеты» (Р. Нурксе) и «кумулятивной причинности» (Т. Веблен, Н. Калдор, Г. Мюрдаль), теории классиков социальной стратификации (К. Маркс, М. Вебер, П. Сорокин), теория структуризации Э. Гидденса, концепция «капиталов» (П. Бурдьё), концепция социального исключения (П. Абрахамсон, С. Погам, Ф. М. Бородкин и др.), концепция андекласса и «культуры бедности» (О. Льюис, Р. Дарендорф), структурно-функциональный анализ (Р. Мертон), деятельностно-активистский подход (П. Штомпка, В. Ядов). Разнообразие использованных подходов не означает попытку их обобщения в рамках авторского исследования, но необходимо для выбора его аналитической схемы. Дальнейший анализ, в основном, строится на концепциях «капиталов» и социального исключения как имеющих наибольший потенциал для объяснения действия кумулятивных и дисперсивных факторов социальных неравенств.

Эмпирическая основа исследования представлена «количественными» методами. Проведён вторичный анализ данных российских исследовательских проектов. Обработка и анализ осуществлялись с применением статистического программного пакета SPSS. Методы анализа включали описательную статистику и условные распределения, расчёт аналитических индексов, линейный и логистический регрессионный анализ со статистической проверкой выявленных закономерностей.

Эмпирическая база диссертационной работы представлена результатами четырёх исследовательских проектов, включавших массовые репрезентативные опросы населения России в период 1999—2004 гг.:

1. Модуль ISSP-1999 — этап международного исследовательского проекта по межстрановым сравнениям в социальной сфере¹. В 1999 г. — исследование взрослого населения по теме социального неравенства. Многоступенчатая случайная выборка, 1 705 чел.;
2. «Экономические и социальные стратегии среднего класса»², 2000 г. Базовая выборка (многоступенчатая случайная, смещённая в сторону городского населения), 3 994 чел. Репрезентирует взрослое население РФ по полу и возрасту. Данные первых двух исследований предоставлены Единым архивом социологических данных³;
3. «Социальная стратификация России»⁴, 2004 г. Многоступенчатая случайная выборка, 15 200 человек, опрошенных методом личного формализованного интервью. Выборка репрезентирует взрослое население РФ по полу и возрасту;
4. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ)⁵, волны 2002 г. (12 520 человек) и 2004 г. (12 640 человек). Выборка всероссийская адресная территориальная стратифицированная многоступенчатая, дающая возможность сравнительного анализа одномоментных данных всех волн РМЭЗ (первая — в 1994 г.) и анализа панельных данных, позволяющих проследить судьбу *конкретных индивидов*.

¹ Российский куратор проекта — «Левада-центр».

² Руководитель исследования — Т. М. Малева. Работы выполнены Московским центром Карнеги при поддержке Фонда Форда (грант № 1000-2046).

³ СОФИСТ [Эл. ресурс] Независимый институт социальной политики, 2007. — Режим доступа: <http://sofist.socpol.ru>, свободный [Загл. с экрана].

⁴ Исследование проведено в 2004 году Институтом общественного проектирования (Москва) в рамках проекта «Социальная стратификация России».

⁵ Сваффорд, М.С. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 90-е годы / М. С. Сваффорд, М. С. Косолапов, П. М. Козырева // Мир России. — 1999. — №3. — С. 153—172.

Новейшие тенденции процессов социального неравенства в России отражены в работе на основе данных государственной статистики 1992—2006 гг.¹

Научная новизна исследования

1. Обоснован подход к изучению динамики социальных неравенств в современном российском обществе как к взаимодействию кумулятивных и дисперсивных факторов неравенств, а также ограниченный потенциал использования распространённого понятия «социальной поляризации» для характеристики этих процессов;
2. На основе анализа социально-экономических теорий «порочных кругов нищеты», «кумулятивной причинности», классических стратификационных теорий, теории структуризации Э. Гидденса, концепции «капиталов» П. Бурдьё, концепций социального исключения и андекласса разработана авторская «структурно-ресурсная» схема социологического анализа действия кумулятивных и дисперсивных факторов неравенств в российском обществе. Она заключается в определении характера (кумулятивного или дисперсивного) взаимодействия ресурсов индивидов и социальных групп при максимально возможном учёте условий, в которых это взаимодействие происходит;
3. На основе вторичного анализа результатов отечественных и зарубежных эмпирических исследований по вопросам социального неравенства выявлены группы факторов, перспективных для разработки объясняющих моделей кумулятивных и дисперсивных процессов неравенства в российском обществе;
4. В ходе вторичного эмпирического анализа данных общероссийских обследований 1999—2004 гг. доказано действие кумулятивных и дисперсивных факторов, определяющих динамику неравенств по переменным дохода и физического здоровья индивидов, а также

¹ Российский статистический ежегодник. 2005: Стат. Сб. / Росстат. — М., 2006. — 819 с. — ISBN 5-89476-182-4; Федеральная служба государственной статистики [Эл. ресурс]. — 2007. — Режим доступа: <http://www.gks.ru>, свободный [Загл. с экрана].

зафиксированы последние тенденции развития социально-экономических неравенств на основе данных российской государственной статистики.

Основные положения, выносимые на защиту

1. В условиях выработки в современном российском обществе новых устойчивых типовых моделей достижения, воспроизводства и передачи социальных статусов понятие кумулятивного либо дисперсивного характера социально-экономического неравенства более адекватно и методологически продуктивно для изучения динамических аспектов неравенства в обществе, чем широко используемый термин «социальная поляризация». Свободное от идеологических клише, это понятие учитывает разные траектории движения индивидов и социальных групп по стратификационным осям; разную степень «конвертируемости» различных видов ресурсов; существование, наряду с поляризационными эффектами, механизмов сглаживания социальных неравенств, без которых невозможно стабильное существование общества.
2. Моделям кумулятивных и дисперсивных тенденций социального неравенства не посвящена какая-либо из известных социально-экономических теорий. Вместе с тем, объективность существования таких тенденций на протяжении всей человеческой истории находит отражение в ряде теоретических концепций. Их анализ позволяет предложить «структурно-ресурсную» схему изучения данных явлений, основанную, прежде всего, на теории «капиталов» П. Бурдье и концепции социального исключения. Первая определяет возможности накопления преимуществ / углубления депривации ввиду способности различных видов ресурсов (капиталов) к взаимной конвертации. Вторая актуализирует поиск механизмов, способных исключать или же интегрировать индивидов из / в социальный «мейнстрим» и подчёркивает важность существования «множественности» проблем исключённых, не сводя социальное неравенство к экономическому.

3. Результаты ранее проведённых исследований, проработанные в ключе выбранной «структурно-ресурсной» схемы анализа, позволяют предложить классификацию факторов социального неравенства, перспективных для разработки моделей кумулятивных и дисперсивных процессов. Отделяя макроуровень исследуемых явлений, мы говорим о кумулятивных факторах, действующих в процессах глобализации и информатизации, развития регионального неравенства и даже в контексте социальной политики. Некоторые компоненты этих процессов, рассмотренные под другим углом, обнаруживают дисперсивные факторы неравенства (миграционные процессы, растущая доступность информационных технологий, культурные особенности отдельных обществ). Кумулятивные факторы, действующие на уровне индивидов и социальных групп, представлены неравным «стартовым» экономическим капиталом индивидов и характером его использования, неравным человеческим и социальным капиталом, физическим здоровьем, ценностями и установками. Дисперсивные механизмы связаны, во-первых, с наличием и возможностями мобилизации собственных ресурсов низкостатусных социальных групп в направлении восходящей социальной мобильности, во-вторых, с меняющимися возможностями доступа к высшему образованию и трансформациями профессиональной структуры, в-третьих, с особенностями воспитания детей в «проблемных» семьях, помогающих исключить передачу депривированного статуса между поколениями, в-четвёртых, с тем, что именно полюсные группы субъектов неравенств являются наименее стабильными и подвергаются ускоренной эрозии, что делает невозможным как непрерывную концентрацию ресурсов, так и бесконечное падение вниз.
4. Адаптация ряда зарубежных и отечественных методик к нашему исследовательскому подходу и имеющимся данным российских исследований позволяет доказать проявление действия кумулятивных и дисперсивных факторов неравенства в следующих механизмах: 1)

Конвертирование человеческого капитала в экономический (кумулятивный эффект — статистически значимое положительное влияние образования родителей на уровень доходов респондента даже при контроле образования и профессионального статуса самого респондента); 2) Воспроизводство бедности в различных социальных группах (кумулятивный эффект — «застойный» характер бедности низкоресурсных групп, дисперсивный — эффективная мобилизация внутренних ресурсов высокоресурсными группами для выхода из бедности; определяющий характер подконтрольных индивидам переменных для мобильности из группы бедных: образования, профессиональной группы, места жительства); 3) Взаимосвязь возраста и образования во влиянии на физическое здоровье индивидов (кумулятивный эффект — ускоренное нарастание различий в состоянии здоровья между высоко- и малообразованными группами к предпенсионному возрасту; дисперсивный эффект — прекращение нарастания различий и некоторая конвергенция состояний здоровья в позднем возрасте).

Теоретическая значимость работы состоит в обосновании подхода к изучению динамики социального неравенства в российском обществе с позиций действия кумулятивных и дисперсивных факторов; в классификации кумулятивных и дисперсивных факторов на основе анализа результатов ранее проведённых исследований других авторов; в адаптации методологических подходов к эмпирическому анализу, что позволяет обнаружить действия кумулятивных и дисперсивных факторов неравенства в российском обществе. Вторичный анализ ряда зарубежных работ ввёл их результаты в научный оборот в российском социологическом сообществе.

Практически полученные результаты могут быть использованы в области разработки мероприятий социальной политики, в частности, для своевременного выявления групп населения, требующих социальной поддержки — адресной помощи, определения возможной социальной базы протеста, а также перспективных ресурсных групп с высоким

адаптационным потенциалом, коррекции бюджетного, семейного и налогового законодательств, а также в учебном процессе при разработке курсов по социальной структуре общества, методам обработки и анализа социологической информации.

Апробация основных положений исследования. Результаты исследования докладывались автором на 8 международных, всероссийских, региональных конференциях и летних школах. В их числе: II Всероссийский социологический конгресс «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы» (Москва, 2003); VI Международный конгресс по математическому моделированию (Н. Новгород, 2004), Международные научно-практические конференции «Государственное регулирование экономики: региональный аспект», «Социальная политика социального государства», «Прикладная статистика в социально-экономических проблемах», «Малая социальная группа: социокультурный и социопсихологический аспекты» (Н. Новгород, 2001, 2002, 2003, 2004) и др.

Результаты исследования отражены в 11 научных публикациях, из них одна в рецензируемом издании, общим объёмом около 5 п. л.

Разработанные эмпирические модели вошли в лабораторный практикум по статистическому пакету (SPSS) для студентов факультета социальных наук Нижегородского госуниверситета в рамках курса «Социальная информатика».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, раскрывается степень научной разработанности проблемы, формулируются цель, задачи, объект, предмет, методология и эмпирическая база исследования, его научная новизна, положения, выносимые на защиту, научная и практическая значимость результатов исследования.

Первая глава — «*Теоретические подходы к анализу динамики социального неравенства*» — посвящена разработке аналитической схемы исследования процессов накапливания преимуществ / углубления депривации на основе социологического анализа тенденций институционализации процессов неравенства в российском обществе и ряда социально-экономических теорий: макроэкономических («порочных кругов нищеты», «кумулятивной причинности»), классических теорий социальной стратификации, теории структуризации Э. Гидденса, концепции «капиталов» П. Бурдьё, концепций социального исключения и андекласса.

Параграф 1.1. — «*Понятие кумулятивных и дисперсивных факторов динамики социально-экономического неравенства*» — определяет ключевые понятия диссертационного исследования — *кумулятивных и дисперсивных факторов*. *Кумулятивные факторы* динамики социально-экономического неравенства — ресурсы (или условия доступа к ним) субъекта социального неравенства, своим взаимодействием поддерживающие или усиливающие доминирующую тенденцию мобильности данного субъекта: восходящую (ведущую к дальнейшему накоплению ресурсов) или нисходящую (ведущую к дальнейшей потере ресурсов). *Дисперсивные факторы* — ресурсы (или условия доступа к ним) субъекта социального неравенства, способные своим взаимодействием замедлить или обратить вспять доминирующую тенденцию мобильности субъекта, т.е. затруднить или предотвратить дальнейшее накопление (или, соответственно, потерю) ресурсов субъектом.

Вместе с этим обосновывается ограниченный потенциал использования широко распространённого понятия *социальной поляризации* как идеологически нагруженного и методологически непродуктивного концепта. Как понятийная основа «поляризация» недостаточна, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, она предполагает, что обладание одними ресурсами автоматически означает обладание другими, что не подтверждается эмпирическими фактами. Во-вторых, из её логики следует, что по прошествии некоторого времени все население страны распадается на

«нищих» и «олигархов». Очевидно, что этого не происходит ни в России, ни в странах Запада.

Параграф 1.2. — «Теоретические подходы к анализу кумулятивного и дисперсивного характера неравенства» — даёт обзор релевантных теоретических концепций, определяющих понятийный и методологический аппарат исследования. Анализ упоминавшихся выше социально-экономических теорий обнаружил наибольшее соответствие нашим целям положений концепции «капиталов» П. Бурдьё и концепции социального исключения.

Мы приходим к «структурно-ресурсной» схеме построения дальнейшего исследования, которая объединяет следующие общие идеи исследованных концепций: 1) закрытости социальных структур и воспроизводства социальных слоев — закрепления своих привилегированных позиций высшими слоями; 2) накапливания уровня ресурсной (не)обеспеченности по принципу «снежного кома»: ресурсы (преимущества) либо накапливаются и способствуют взаимному возрастанию, либо, наоборот, углубляется депривация от этих ресурсов; 3) накопления и воспроизводства структур и ресурсов и механизмов, препятствующих их накоплению. Схема предполагает определение характера (кумулятивного или дисперсивного) взаимодействия ресурсов индивидов и социальных групп при максимально возможном учёте условий, в которых это взаимодействие происходит. Традиционные факторы неравенства, рассмотренные с позиций взаимодействия конкретных ресурсов, могут отвечать за производство как кумулятивных, так и дисперсивных эффектов. Например, доступ к образованию как форме воспроизводства человеческого капитала носит кумулятивный характер для восходящей мобильности выходцев из семей интеллигенции, тогда как возможность получения платного образования есть дисперсивная форма воспроизводства неравенства, поскольку открывает доступ к дипломам, сертифицирующим необходимый уровень знаний и

навыков, для тех, кто не способен пройти подобную «сертификацию» в равной конкурентной борьбе на «общих основаниях».

Параграф 1.3. — «Факторы прогрессирующего неравенства» — представляет качественную характеристику причин и условий поляризационных процессов на основе анализа отечественной и зарубежной литературы. Макроуровень кумулятивных процессов рассматривается с позиций усиливающихся тенденциями *глобализации* и *информатизации* различий между странами «золотого миллиарда» и остальным миром, богатыми и бедными регионами. Развитие открытых рынков, информационных и коммуникационных технологий — изменения, продиктованные постиндустриальной фазой развития крупнейших экономик мира, которые инициированы богатейшими государствами в своих же интересах. 72% мировых иностранных инвестиций в настоящее время приходится на страны-лидеры глобальной экономики: США, Западную Европу, Японию. Структура экономики бедных стран, ориентированных на индустриальное производство и экспорт сырья, становится «ловушкой»: увеличение уровня потребления в них возможно лишь за счет сверхэксплуатации природных и человеческих ресурсов. Напротив, богатые постиндустриальные страны, обладающие таким безграничным ресурсом, как информация и знания, и производящие их, непрерывно увеличивают свой экономический и интеллектуальный капитал и тем самым укрепляют фундамент своего будущего благополучия. Наряду с традиционным экономическим неравенством между странами нарастает «*цифровой*» разрыв, «*исключающее технологическое развитие*» (М. Кастельс), порождая новую форму социального неравенства — информационную¹. Вслед за нарастанием объективных различий между странами и регионами потенциально опасным трансформациям подвергается *ценностное поле*, разделяя ориентации на

¹ Кастельс, М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / М. Кастельс. — М.: ГУ-ВШЭ, 2000. — 608 с. — ISBN 5-7598-0069-8.

материалистические и постматериалистические. На территориальную поляризацию накладывается *культурная и цивилизационная*.

На уровне индивидов и малых групп кумулятивные процессы наблюдаются не только в ходе *воспроизводства* индивидами капитала одного и того же типа (*экономического, человеческого, физического, социального, культурного* и др.), но и в ходе *конвертации* этих капиталов друг в друга. Ряд исследований динамики уровня капиталов подтверждают существование *качественных «порогов»* накопления / потерь, предположенных П. Таунсендом¹.

Сам процесс дифференциации общества по доходам, наблюдавшийся в России практически на всём протяжении 1990-х гг., свидетельствует о перераспределении общественного благосостояния в пользу верхнего дециля. Весь набор условий *капиталистической экономики* упрощает сохранение и дальнейший рост капитала состоятельных граждан.

Работы отечественных и зарубежных социологов, исследованные через призму кумулятивной гипотезы, дают богатую палитру эффектов взаимодействия различных социальных обстоятельств и ресурсов, закрепляющих и усиливающих динамику индивида в пространстве социального неравенства. Даже *специфика взаимодействия малоресурсных групп населения с государственными органами социальной поддержки* являет собой угрожающий образец усиления депривации самими механизмами, призванными её ослабить. Приводятся оценки, что лишь 19% государственной социальной помощи достаются семьям, живущим за чертой бедности, остальная часть «размазывается» по многочисленным категориям

¹ Townsend, P. Deprivation / P. Townsend // Journal of Social Policy. — 1987. — Vol. 16, № 2. — P. 125—146; Давыдова, Н. М. Депривационный подход в оценках бедности / Н. М. Давыдова // Социологические исследования. — 2003. — № 6. — С. 88—96; Тихонова, Н. Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России / Н. Е. Тихонова // Мир России. — 2003. — Т. XII, № 1. — С. 36—84.

льготников¹. Наиболее депривированные сограждане оказываются исключёнными даже из доступа к ресурсам государственной поддержки.

Параграф 1.4. — «Факторы и механизмы дисперсивного социального неравенства» — содержит анализ литературы по моделям уравнивательных тенденций. Данному феномену посвящен значительно меньший пласт научных публикаций, чем механизмам, «разгоняющим» неравенство. Согласно ряду исследований и экспертных мнений, демпферами социальной напряжённости являются *высокий потенциал терпения*, характерный для российского общества, *изменчивость, преходящий характер субъективных факторов, влияющих на осознание уровня собственной депривации* (самооценки здоровья, позиционирование себя в стратификационных осях богатства, власти, общественного престижа), *распространённость неформальных адаптационных практик* (включённость в социальные сети, неправоное поведение)².

В работе механизмов, препятствующих прогрессу неравенства, мы обнаруживаем во многом те же ресурсы, что работают на поляризацию общества. Иной взгляд на них и иной набор обстоятельств позволяют увидеть там же предпосылки обратных тенденций. Дисперсивные факторы мы также рассматриваем в блоках макросоциальных и индивидуальных условий.

Трудовая миграция из бедных регионов в богатые, вызывающая истощение трудовых резервов страны эмиграции, имеет и положительный эффект, связанный с обратным током экономического капитала, заработанного мигрантами, в форме трансфертов для родственников и вложений в знакомую инвестиционную среду. *Развитие информационных технологий*, как и многие другие факторы прогрессирующего неравенства,

¹ Дмитриев, М. Е. Социальные реформы в России: итоги и ближайшие перспективы / М. Е. Дмитриев // *Общественные науки и современность*. — 1998. — № 5. — С. 19—25

² Левада, Ю. А. 2000 год: разочарования и надежды [Эл. ресурс] / Ю. А. Левада // ВЦИОМ, 2000. — Режим доступа: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/423.html>, свободный [Загл. с экрана]; Заславская, Т. И. К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда / Т. И. Заславская, М. А. Шабанова // *Мир России*. — 2002. — № 2. — С. 3—38 и др.

имеет обратную сторону. С ростом производительности и уменьшением стоимости вычислительных и коммуникационных систем возникает феномен «*backward advantage*» (*преимущества отставания*). Страны-«аутсайдеры», не затратившие в своё время гигантских средств на разработку новых технологий, теперь могут использовать все их преимущества наравне с «лидерами», используя для этого лишь свой интеллектуальный капитал.

На уровне индивидов и социальных групп в числе дисперсивных факторов можно отметить *гендерное выравнивание*, связанное с *преобразованием структуры труда* (прежде всего, увеличением доли профессий квалифицированного умственного труда — информационных работников) и отмиранием части гендерных стереотипов. Сравнительно *высокий уровень человеческого и социального капиталов в группе «новых бедных* определяет в настоящее время их интенсивный выход из числа депривированного населения, что также противоречит кумулятивной тенденции.

Семейные процессы, являясь, с одной стороны, мощным передаточным механизмом социального статуса, также обнаруживают в себе уравнительный потенциал. Исследования показывают, что разорвать цикл депривации может всего один «хороший» фактор, присутствующий в проблемной семье.

Восточная *корпоративная культура*, нарушающая строгие классовые и статусные линии, обуславливает снижение напряженности между крайними уровнями иерархии и повышение лояльности работников к предприятию. *Предельная мера концентрации ресурсов* внутри корпорации, о которой писал сам инициатор дискурса о кумулятивности — Р. Мертон, — может способствовать распаду мощных организаций на множество более слабых, вступающих между собой в конкурентную борьбу¹.

¹ Мертон, Р. К. Эффект Матфея в науке II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности / Р. К. Мертон; пер. Е. И. Николаенко // Thesis. — 1993. — № 3. — С. 256—276.

Вторая глава — *«Действие кумулятивных и дисперсивных факторов неравенства в российском обществе»* — представляет выбор статистической методологии, результаты оценки и обсуждение трёх конкретных моделей процессов социального неравенства, где предполагалось наличие кумулятивных и дисперсивных эффектов.

Параграф 2.1. — *«Возможности „количественного“ исследования кумулятивных и дисперсивных эффектов»* — включает анализ характера данных, пригодных для построения количественных моделей развития процессов социального неравенства и обзор многомерных методов моделирования кумулятивных процессов, прежде всего — разновидностей моделей регрессионного анализа.

Параграф 2.2. — *«Кумулятивные эффекты социального неравенства в причинных связях жизненного цикла»* — содержит исследование одной из интерпретаций гипотезы кумулятивного социального неравенства на примере причинно-следственной цепочки «образование родителей — образование респондента — профессиональный статус — благосостояние семьи». На основе данных исследований 1999, 2000 и 2004 гг. показано, что в российском обществе влияние ранних звеньев этой цепи на более поздние при учёте промежуточных звеньев не исчезает, а усиливает влияние последних. Гипотеза подтверждается: кумулятивный эффект социального происхождения выражается в сохраняющемся влиянии образования родителей на благосостояние семьи даже при учёте образования самого респондента и его профессионального статуса. Действие подобных эффектов создаёт и закрепляет неравные шансы для представителей разных социальных групп.

Параграф 2.3. — *«Динамика бедности как результат конвертирования человеческих капиталов»* — раскрывает процесс воспроизводства российской бедности в разрезе социальных групп, обладающих разными ресурсами. Используя методологию и трендовые данные российских

учёных¹, полученных ими до 2004 г., мы дополняем их выводы наблюдениями 2004 года и вводим аналитическую группировку, отражающую процесс воспроизводства бедности от 2002 к 2004 году.

Установлено, что тенденция к увеличению группы бедных в процентном отношении, нараставшая с 1994 года, останавливается к 2002 году и затем поворачивает вспять. К 2004 году многим проблемным группам удалось значительно сократить уровень бедности внутри себя, особенно так называемым «новым бедным» — временно депривированным в экономическом плане, но относительно благополучным в отношении остальных ресурсов индивидам.

Значимо влияние различных стратификационных признаков на *сохранение* индивидами статуса бедных в рассмотренный период времени (с 2002 по 2004 гг.) и на *получение* ими такого статуса в этот же период. Заметно изменять шансы сохранения бедности можно, варьируя категории образования, места проживания (город/село), профессиональной группы, статуса занятости, числа детей в семье (факторы перечислены в порядке убывания дифференцирующей силы). Те же факторы, за исключением профессиональной группы работающих, можно назвать и в числе *генерирующих* бедность (способных существенно менять шансы *попадания* в число бедных).

Отмечено, что среди важнейших факторов, отвечающих как за генерацию, так и за консервацию бедности, находятся не аскриптивные (пол, возраст), а изменяемые, находящиеся во власти индивида характеристики (образование, профессия и т.д.). Таким образом, признавая существование проблемы бедности на современном этапе как системной проблемы российского общества, следует подчеркнуть и её зависимость от действий или бездействия конкретных индивидов, возможность *управления* риском бедности через изменение собственных социальных характеристик. С другой

¹ Богомолова, Т. Ю. Миграция бедности: масштабы, воспроизводство, социальный спектр / Т. Ю. Богомолова, В. С. Тапилина // Социологические исследования. — 2004. — № 12. — С. 17—30.

стороны, ряд социальных групп (например, старшая и младшая возрастные группы) обладают слишком малым набором ресурсов, чтобы эффективно воздействовать на своё положение в обществе. Такие группы населения, попав в неблагоприятную жизненную ситуацию, чаще находятся в режиме консервации текущего состояния, что также можно считать кумулятивным эффектом.

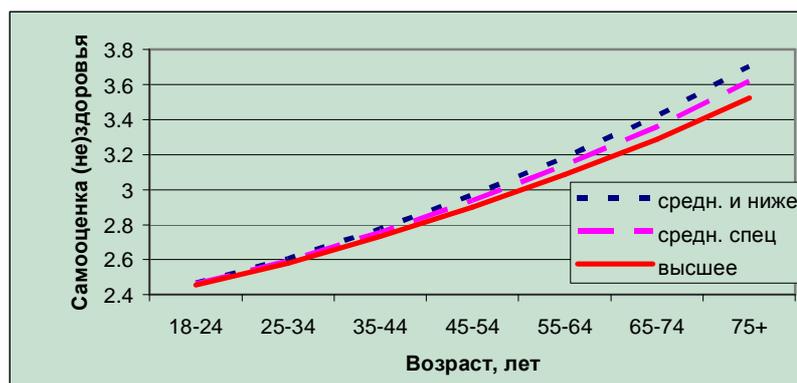
Указанные закономерности обнаружены нами с помощью простейших условных распределений. Их комплексное влияние на сохранение бедности в дальнейшем подтверждено в модели логистической регрессии.

В *Параграфе 2.4. — «Образование и возрастные изменения физического здоровья: кумулятивные и дисперсивные эффекты»* — доказываемся существование меняющегося с возрастом эффекта воздействия образования на здоровье. В рассмотренных здесь регрессионных моделях на данных РМЭЗ 2002 года исследована зависимость двух показателей (не)здоровья индивидов от образования, возраста и ряда других социально-демографических переменных. Первый показатель был сконструирован из нескольких вопросов как сумма ощущаемых респондентом симптомов нездоровья (модель 1). Второй представлял собой самооценку здоровья респондентами (модель 2). Результатами проверки моделей стал вывод о существовании значимых эффектов взаимодействия между указанными переменными в их влиянии на физическое здоровье респондентов.

Результатом проверки модели 1 был вывод о существовании *эффекта дивергенции с последующей конвергенцией* во взаимодействии переменных образования и возраста на показатель (не)здоровья как число ощущаемых симптомов. Эффект дивергенции мы считаем признаком кумулятивной связи образования и возраста; наблюдаемый в позднем возрасте эффект конвергенции можно считать признаком дисперсивной связи, что, однако, нуждается в дополнительных проверках. Кроме того, мы считаем признаком кумулятивного влияния дохода на здоровье его значимую связь с возрастом в

этой модели, которая производит значительно лучший прогноз здоровья для лиц, обладающих высоким доходом в старшем возрасте.

Модель 2 продемонстрировала наличие *эффекта ускоренной дивергенции (кумулятивного эффекта)* во взаимодействии переменных. Образованные люди лучше оценивают состояние своего здоровья, причём это преимущество нарастает с возрастом (см. рис.).

Взаимодействие образования и возраста в их влиянии на здоровье согласно модели 2¹

В Заключение подводятся основные итоги исследования, суммируются ключевые положения диссертации, излагаются перспективы дальнейшего изучения социального неравенства с позиций кумулятивных и дисперсивных его проявлений в современном российском обществе. Основные **выводы** диссертационной работы следующие:

Тенденции «институционализации» социальных неравенств в современной России, выработка устойчивых моделей достижения и воспроизводства социального статуса определяют необходимость новых подходов к изучению динамики неравенств. Необходим анализ этих процессов с позиций взаимодействия кумулятивных и дисперсивных факторов макро- и микроуровня.

Среди социально-экономических теорий особое применение к объяснению кумулятивных и дисперсивных воздействий находит концепция «капиталов» П. Бурдье и современная концепция «социального исключения».

¹ График построен для средних уровней возраста в 7-ми возрастных группах, среднего числа лет, потраченных на образование в 3 группах по уровню образования. Остальные переменные полагаются равными и зафиксированы на среднем по выборке уровне.

Обзор релевантных эмпирических исследований обнаруживает разработанность широкого класса моделей социального неравенства, которые могут получить продуктивное развитие, будучи рассмотрены с позиций действия кумулятивных и дисперсивных факторов.

Эмпирический анализ данных общероссийских исследований последних лет показал, что в современном российском обществе действуют кумулятивные и дисперсивные факторы, определяющие ход процессов социального неравенства. Общим выводом работы становится утверждение о продуктивности изучения процессов социальных неравенств в российском обществе как взаимодействия кумулятивных и дисперсивных факторов. Именно такой подход позволит объяснить формирующиеся модели воспроизводства социальных неравенств, оценить их значимость, а значит — содействовать выработке мер социальной политики, способных активно влиять на положение уязвимых социальных групп.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Балабанов, А. С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации / А. С. Балабанов, Е. С. Балабанова // Социологические исследования. — 2003. — №7. — С. 34—43 (1 / 0,5 п. л.).
2. Балабанов, А. С. Процессы накопления преимуществ и углубления депривации: к постановке исследовательской проблемы / А. С. Балабанов, Е. С. Балабанова // Экономическая социология. — 2003. — Т. 4, №4. — С. 62—78 (1,2 / 0,6 п. л.).
3. Балабанов, А. С. Социальная политика в зеркале региональной статистики: исследование типологических групп занятых нижегородцев / А. С. Балабанов; ред. проф. З. Х. Саралиевой // Социальная политика социального государства. — Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2002. — С. 159—163. — ISBN 5-93116-007-8 (0,2 п. л.).
4. Балабанов, А. С. «Работающие бедные»: стратегии выживания / А. С. Балабанов; отв. ред. Д. А. Дороничев // Государственное регулирование

- экономики: региональный аспект. Материалы Третьей Международной научно-практической конференции. Том II. — Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. — С. 211—214. — ISBN 5-85746-664-5 (0,3 п. л.).
5. Балабанов, А. С. Кумулятивный характер социального неравенства: проблемы измерения / А. С. Балабанов; ред. З. Х. Саралиева, Н. Р. Стронгина // Прикладная статистика в социально-экономических проблемах. Материалы международной конференции (Н.Новгород, 14—15 февраля 2003 г.) В 2-х томах. Том II. — Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. — С. 99—104. — ISBN 5-85746-754-3 (0,3 п. л.).
6. Балабанов, А. С. Вопросы измерения динамики неравенства / А. С. Балабанов // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: В 3 т. — М.: Альфа-М, 2003. — Т. 3. — С. 255—256. — ISBN 5-98281-012-6 (0,1 п. л.).
7. Балабанов, А. С. Возможности эмпирического изучения динамики социального неравенства: анализ системы показателей лонгитюдного мониторинга RLMS / А. С. Балабанов; сост. и научн. ред. З. Х. Саралиева // Перспективы: Сборник научных статей аспирантов. — Н. Новгород: НИСОЦ, 2003. — С. 12—22. — ISBN 5-93116-055-8 (0,2 п. л.).
8. Балабанов, А. С. Семья в социальных сетях: роли доноров и потребителей в социальном обмене / А. С. Балабанов; общ. ред. З. Х. Саралиевой // Малая социальная группа: социокультурный и социопсихологический аспекты: В 2-х т. Том I. — Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2004. — С. 223—227. — ISBN 5-83116-061-2 (0,2 п. л.).
9. Balabanov, A. Kinship ties: donor and recipient roles in social exchange / A. Balabanov // VI International Congress on Mathematical Modeling. Book of Abstracts. September 20—26, 2004. — Nizhny Novgorod: University of Nizhny Novgorod. — С. 447 (0,1 п. л.).
10. Балабанов, А. С. Динамические взаимосвязи показателей множественной депривации / А. С. Балабанов; сост. и научн. ред. З. Х. Саралиева //

Перспективы: Сборник научных статей аспирантов. — Н. Новгород: НИСОЦ, 2005. — С. 60—72. — ISBN 5-93116-064-7 (0,3 п. л.).

11. Балабанов, А. С. Кумулятивные эффекты социального неравенства в причинных связях жизненного цикла / А. С. Балабанов // Социальные преобразования и социальные проблемы: Сборник научных трудов (Выпуск 4). — Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2006. — С. 5—39. — ISBN 978-5-93116-081-7 (1,5 п. л.).